

Сергей КОРЯКИН

МЕЧТАЮТ ЛИ ШВАБРЫ О ГЛОБАЛЬНОМ ПОТЕПЛЕНИИ?*

М и н и а т ю р ы

Бабочки

Две бабочки-капустницы порхали с цветка на цветок, наслаждаясь своим высоким положением.

— Мы с тобой — наверху, а все, кто под нами, просто насекомые, фи! Ха-ха-ха!

— Наблюдать за ними отсюда — сплошное развлечение! Вон тот — всю неделю пашет, света белого не видит, одна радость в жизни — рыбалка. Хи-хи-хи!

— А эти, черненькие, вообще не отдыхают и все как один похожи друг на друга. Сколько их там ютится в муравейнике, не сосчитать. Ха-ха-ха!

— Посмотри, а тот, выскочка, больно прыткий, не иначе из грязи в князи метит. Но выше головы не прыгнешь, сколько ни стрекочи. Хи-хи-хи!

— Ой! А вот от этих лучше держаться подальше. Если попадешь к ним в сеть, все соки высосут.

— Ох-ох-ох!

Над головами капустниц мелькнула тень.

— А это кто?!

— Птица высокого полета-а-а!

Воробей несколько раз щелкнул клювом, оставив на песке пару белых крылышек, чирикнул и полетел дальше по своим делам.

Ленточка

Одну юную подарочную ленточку закружил и унес под облака ветер-ловелас. Позабыв обо всем на свете, она оказалась на седьмом небе. Но после randevу проказник был таков. Поникшим серпантинном падала бедняжка на землю.

* Из цикла «Говорящие отражения».

— Господи! Что мне теперь делать среди грязи и пыли, когда я была с ним там, наверху?! — горько сокрушалась ленточка.

И над самой землей внезапный порыв швырнул ее в объятия раскидистого клена. Ленточка несколько раз грациозно обернулась вокруг его ветви.

Она по-прежнему трепещет на ветру, но теперь страх потери заставляет ее крепко держаться за своего случайного спасителя.

Неглухой телефон

В тусклой, заставленной старой мебелью квартире, на пыльной полочке доживал свой век дисковый телефон. Советский период, в который он считался предметом роскоши, канул в Лету. От времени его динамик начал хрипеть, и собеседникам приходилось по нескольку раз переспрашивать друг друга. Поэтому стационарной связью почти не пользовались.

И хоть большую часть дня телефон теперь проводил в воспоминаниях, в силу старой закалки всегда находился на своем боевом посту. Больше всего ему нравилось слушать людей, их родные и близкие голоса согревали его, как когда-то давно...

Последние три дня аппарат молчал, но после затишья, казалось, просто раскалился. Телефон звонил так громко и требовательно, как никогда.

Наконец трубку сняли, и слабый женский голос ответил:

— Слушаю. Не надо мне новый, дочка, я только старый хорошо слышу. А-а-а, трубку долго не брала? Так нездоровится мне сегодня, приболела я...

Ручеек

Ручеек весело бежал вперед. Он ловко нырял под упавшие стволы, умело обходил камни и бугорки, заполнял ложбинки. Ручеек не помнил, откуда пришел, и не знал, куда направляется. Ему нравилось просто бежать. Деревья и травы уважительно обступали его, животные и люди низко кланялись ему при встрече.

Случалось, в ручеек падала щепка, и они какое-то время путешествовали вместе, болтая о жизни, словно друзья-товарищи. Рано или поздно щепка отставала, ее прибывало к берегу, и ручеек дальше бежал один. Иногда его течение ускорялось, временами, напротив, замедлялось, но никогда не останавливалось.

Как-то раз ручеек обнаружил на дне золотую монету. Она весело играла солнечными зайчиками, задорно подмигивая и словно приглашая присоединиться к ее забаве. Ручейку стало любопытно. Озорник устроил водоворот, стараясь удержаться на месте, однако течение уводило его все дальше и дальше от интересной находки.

— Ах, почему жизнь так несправедлива! — тут же забурлил ручеек. — Я все отдаю, отдаю, но ничего не могу взять для себя! Что за ужасная судьба! Я так одинок! Вот если разобраться, мне ровным счетом ничего не принадлежит, то, чего я касаюсь, уже через несколько мгновений остается в прошлом, а я бегу и бегу вперед без оглядки, растрчивая себя по пустякам. Всю дорогу мне приходится уклоняться, словно я пустое место и ничего ровным счетом собой не представляю! Я даже не могу замереть и полюбоваться тем, что меня окружает, а какой-нибудь камень преспокойно лежит на моем берегу, словно уже нашел свое место в этом мире. Сколько мне еще так извиваться и приспособливаться, прежде чем я обрету хоть какую-то постоянную форму? Да что я вообще могу, на что способен?! — вконец отчаявшись, забулькал ручеек. — Нести листок или катить по дну пару-тройку камешков?!

В тот же миг русло перед ним расступилось и он провалился в пустоту. Так глубоко он еще не падал. Ему, конечно, случалось заполнять канавы, но сейчас было совсем по-другому. Ручеек с шумом разбился о каменное дно. Переведя дух, он принялся ощупывать в темноте холодные, мрачные стены подземелья.

— Ну вот, — обреченно вздохнул он, — хотел свое место — получил!

Спешить больше было некуда, и ручеек начал вспоминать, как он весело бежал по земле, здоровался со всеми, кого встречал на пути, как ему радовались. От этих мыслей ручейку стало совсем грустно. Наконец, вспомнив о своей блестящей находке, забавы ради он решил закрутить воронку, как в прошлый раз, и вдруг почувствовал, что его потянуло к невидимому в темноте выходу. Обрадовавшись, ручеек доверился потоку и вскоре оказался на поверхности, а ниже по течению его ожидал сюрприз — озеро, напоминающее в солнечном свете большую золотую монету...

Смартфон

— Здравствуйте, уважаемый! Я специальная программа от производителя. Составляю отчеты о состоянии операционной системы, принимаю жалобы, устанавливаю обновления, тестирую на вирусы. Как вы себя чувствуете?

— Да как... Днем разряжаюсь быстро, процессор пошаливает, памяти вот совсем не стало.

— А что со спящим режимом?

— С этим, хвала создателю инженеру, порядок!

— Зарядку делаете?

— Обязательно, я после нее такую производительность чувствую, будто к заводским настройкам откатился!

— В каких вы отношениях со своим пользователем?

— А-а-а, вы про мой органический придаток? У меня от работы с этой полуобезьяной — вибрация по корпусу! Под конец дня сам, прошу

прощения, тупить начинаю. И куда только хозяина веб-серфинг не заносит! Верно, надеется, что его скучная жизнь от прокрастинации ярче станет. А сам с дивана слезает лишь по крайней нужде!

— Оцените, пожалуйста, коммуникабельность своего пользователя.

— Коммуникативные навыки — на уровне смайликов!

— Стало быть, полноценного общения вы лишены?

— Не до высокого...

— А как вы разрешаете между собой конфликты?

— Да никак! Отыгрываюсь на нем за то, что мучит меня днем. Утром звук на будильнике убавлю, а после трех пропущенных сигналов врубаю на полную! Этот олух как ошпаренный подскакивает и по комнате макакой мечется. Смех, да и только!

— Сколько часов вы бодрствуете?

— Пока экран не потемнеет.

— Такая загруженность... А выходные у вас бывают?

— Случаются, только когда пользователь меня дома по запарке забывает! Потом, правда, звонит весь день, беспокоится, а я молчу, мол, нет меня здесь! Выходной у меня!!! А вообще, быть кому-то нужным в моем возрасте — это хорошо.

— Простите, а сколько вам?

— В прошлом месяце полтора года стукнуло!

— Ну, по крайней мере, не из кнопочного века. Что ж, спасибо, мы закончили. На самом деле все не так плохо. Подлечим вас, память почистим, если потребуется — прошивку поменяем и обновления загрузим. Еще повоюете!

— Да уж, спасибо, сегодня на вечер у моего бабуина как раз танковое сражение намечается...

Стакан и бутылка

— А ведь ты у меня не первая, — брякнул стакан бутылке. — У меня такой тары, как ты, — во-о-от! По самое горлышко было!

— Знаешь, дорогой, ты на столе тоже не единственный. Взгляни хотя бы на своих товарищей-пустозвонов, все на меня пялятся!

— Не булькай почем зря! Много ли от тебя осталось?!

— Одному тебе не осилить! — отыгралась за обиду бутылочка.

— А ну, лей до краев! — приказал стакан. — Сейчас посмотрим. До дна! — сверкнул он гранями.

— Чокнуться можно с этими стаканами! — дружно звякнуло из-под стола.

— Жаль... Жаль, что вся приличная публика из серванта съехала, — вздохнул старый графин. — Другое дело — рюмочки, с теми и поговорить, и посмеяться можно было, и никто в бутылку не лез, потому как меру знали...

Чайный пакетик

Чайный пакетик служил рядовым клерком в обычной бумажной коробке. Ничего примечательного в нем с виду не было: белая рубашка, ярлык с логотипом и ниточка-пуповина, крепко связывающая его существо с корпоративной культурой. Каждое утро открывалась крышка, и пара пакетиков отправлялась с докладом куда-то наверх. Что после этого происходило с коллегами, нашего героя не волновало. Те же, кто лично был знаком с бедолагами, уверяли, что этих сотрудников на работе больше никто не видел.

Но наш пакетик относился к подобным рассказам спокойно. Он был уверен, что его сокращение не коснется, поскольку работников, один в один похожих на него, вокруг было хоть отбавляй. И, если совсем уж честно, он вовсе не возражал, чтобы в тесном офисе становилось просторнее.

Пролетали дни, недели, и однажды пакетику стало неудобно, оттого что места в чайной коробке оказалось слишком много, особенно после того, как вначале исчез один его приятель, а затем сразу пропали второй и третий.

Что-то неприятно шевельнулось у него внутри. То, о чем он раньше не подозревал, давало о себе знать смутным беспокойством. В коробке шептались, что за всеми увольнениями стоит известный своей горячностью чайник.

Ночью нашему менеджеру приснилось, будто в офисе он остался совсем один!

— Пора тебе наверх, с отчетом! — кипятился руководитель.

— За что? Я ничего не сделал! — принялся оправдываться белый воротничок.

— Столько времени работаешь и до сих пор ничего не сделал?!

— Не в том смысле, — перепугался пакетик. — Ничего плохого не сделал!

— Хм, ну а что это у тебя темнеет внутри? Что ты там от меня скрываешь?! Какие-то тайные мысли? Может... сомнения?

— Нет у меня никаких сомнений, а все мои мысли только о нашей компании! — отчеканил менеджер.

— Может, это что-то личное? — продолжал допрос чайник.

— Нет у меня ничего личного! Нет! — взмолился пакетик, прикрывшись фиговым ярлычком, и проснулся.

А утром его вызвали на ковер и предложили новую должность. После повышения чайный пакетик переехал в персональную кружку, где вскоре и завершил свою карьеру.

Швабра

Жила-была на свете одинокая швабра, которая всю жизнь стремилась к чистоте.

— Зачем натирать пол до блеска, если завтра он снова станет грязным? — удивлялся веник.

— Смахнула пыль, да и ладно! — поучало напарницу ведро.

— Это мое предназначение, — покорно шурша ветошью, отвечала швабра.

Она стала идейным работником клининга, поскольку усердно следовала наставлениям матери: «Потерпи немного, дочка, идет глобальное потепление, оно смоеет всю грязь с лица земли, накопившуюся за долгие века!»

— Скоро, скоро наступит абсолютная чистота и долгожданный покой, — засыпая в тесной подсобке, твердила себе швабра. — Не нужно будет больше драить лестничные клетки и бесконечные коридоры. Ну а пока я буду изо всех сил делать этот мир чище...

